

«Денискины рассказы» Ивана Дыховичного

Коммерсантъ - daily - 1997 - 16 авг. - с. 9

Жизнь семьи ИВАНА ДЫХОВИЧНОГО разделилась на две половинки: до смерти Сталина и после. Поэтому пятидесятые годы были столь разноречивы, контрастны. Начало пятидесятых — очередь в ломбард, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Середина и конец этого десятилетия — счастливая жизнь в загородном доме, построенном на гонары отца.

В день смерти Сталина отец пошел кататься на лыжах. В Сокольники. Что было по тем временам просто кошунством. В общем, он один был, наверное, на лыжах в тот день. Мама бежала за ним по лестнице и кричала: «Володя, что ты с нами делаешь, нас всех посадят!» Он снизу сказал: «Я его ненавижу, ненавижу и буду ненавидеть». Никто не плакал. Потому что при жизни этот человек принес очень много горя нашей семье. Я помню мертвые улицы — я уже учился в школе.

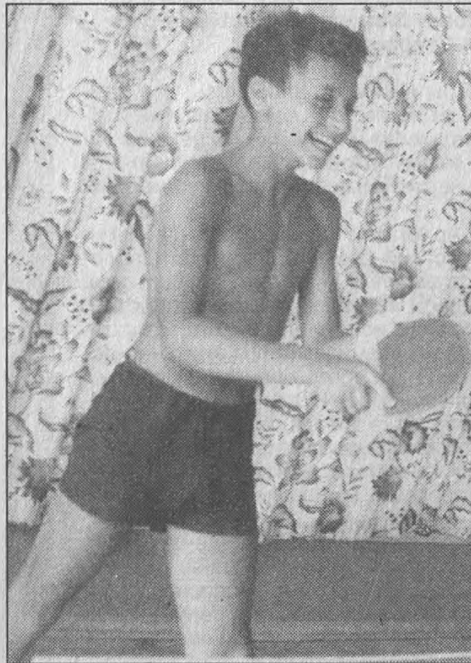
После смерти Сталина люди стали возвращаться из тюрем. Тогда у нас жил человек — друг отца, писатель, который сидел очень много лет в тюрьме. Отец всегда помогал ему, посылал посылки, что было тогда совершеннейшим геройством. Когда он вернулся, у него не было квартиры, он жил в одной общей комнате с нами довольно долго. Он начал пить. Отец и этот человек знали, кто донес на них. Однажды отец увидел его сидящим в ресторане ВТО вместе с этим человеком, который его посадил в тюрьму. После этого отец сказал ему: «Знаешь, Коля, не нужно их наказывать, они сами себя накажут. Но и сидеть с ними за столом тоже не надо. И поэтому дружить с тобой я больше не буду». Потом этот человек от нас съехал.

Еще до смерти Сталина за моей мамой в ресторане попытался ухаживал Вася Сталин. Они сидели компанией в «Метрополе», там играл оркестр и кто-то выступал. Отец мой все время вставал, потому что он ждал кого-то. И кто-то сзади рукой его сажал. Так как отец был с характером, то в какой-то момент он размахнулся и человека, который так флиртовал с его женой, схватил за руку, чтобы ударить. Но Симонов остановил отца: «Володь, не надо, ради Бога». Тем человеком, которого отец хо-

тел ударить, был Вася Сталин. Если бы отец его ударил, естественно, больше отца мы бы не увидели.

Потом этот Вася оказался таким вежливым. Он проник в наш дом. Я его не помню, честно говоря, совершенно. Но говорят, что он был у нас два раза.

Не могу сказать, что мама была человек «моралите», но если кто-то ей навязывался, это вызывало у нее, как у любой нормальной женщины, обратную реакцию... Я помню только, что когда он звонил по телефону в нашу квартиру, он всегда представлялся: «Говорит генерал Сталин», чтобы никто не спутал, не упал в обморок, не умер от инфаркта у телефона. Он пытался всячески моего отца заинтересовать чем-либо. Это верный способ через мужа войти в семью. И очень хотел продать отцу за какие-то копейки роскошный Cadillac, в котором он ездил. В нашем Большом Харитоньевском переулке он демонстрировал эту машину: он разгоняется... — и слышался дикий визг тормозов. Вот это я помню очень отчетливо. Отец

Иван Дыховичный на даче: самое счастливое время

говорил, что ему эта машина не нравится, и он ее не купил.

Потом вся эта, слава Богу, история рассосалась. Все боялись, но отец очень жестко себя вел.

Но увлечение моего отца автомобилями продолжалось. У него был такой странный друг Левитин. В Парке культуры стояла «бочка» знаменитая, он ездил в ней по стене на мотоцикле. Эта «бочка» была его частной собственностью. Туда все ходили на этот аттракцион. Отец дружил с этим Левитиным. Он моему отцу продал автомобиль гоночный BMW — «сигару» — ну, одноместный. На этой «сигаре» отец приехал во двор. Мама выглянула с балкона. Когда он поднялся на этаж, его чемоданы уже стояли на лестничной клетке около двери. Мама сказала: «Я знала, что ты эгоист, но что ты такой эгоист, я предположить не могла. С таким человеком я жить не буду...» Машину пришлось продать.

В пятидесятые продолжились тяжелые годы борьбы с космополитизмом и тяжелой финансовая ситуация в семье — пьесы отца в театрах не шли, и ничего не печатали. Все вещи наши были заложены в ломбарде. Я помню этот запах ломбарда и изумительные лица людей в очереди. Меня брали с собой, потому что оставить было не с кем. У нас все было заложено, правда, не так много было вещей. И все это не выкупалось никогда.

Я пришел первого сентября в школу (53 год), тогда первый год ввели школьную форму. Всех детей выстроили и, видимо, для провокации сказали, чтобы все прочли по стихотворению. Я помню, что все читали стихотворение про Сталина. А я не знал его. Я читал стихотворение, которое мне очень как ребенку нравилось. Ведь детям нравятся всякие взрослые песенки, флиртованные куплеты. И я прочитал:

«Мадам Люлю гуляла
в Таврическом саду,
И шляпку потеряла на Аничком мосту.
Какой-то барин поднял: „Чия-чия-чия?“
Мадам Люлю хохочет и говорит:
„Моя“».

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Меня тут же послали за родителями. Им было сделано однозначное предупреждение, им выговорили, что их сын «рассадник пошлости, флиртовности и

Первомайская демонстрация 1954 года: Константин Симонов, Михаил Червинский и Владимир Дыховичный

вульгарности». Отец, отвернувшись, улыбнулся, и наказан я не был. Потом очень деликатно мама пыталась научить меня молчать, не рассказывать в школе о том, что происходит у нас дома.

Главным событием нашей жизни, я говорю о бытовой, реальной жизни, стало после смерти Сталина то, что вдруг пошли пьесы отца. Они имели огромный успех, потому что были веселые, смешные, остроумные. Это было как вздох. Двести, триста театров стали ставить его пьесы. И появились деньги, довольно большие по тем времена. И на все деньги, которые отец получил, родители решили построить дом в Красной Пахре. На Красной Пахре был первый писательский поселок. Там жили Кармен Симонов, Роом. Это было в 54–55 годах. Это был очень красивый каменный дом.

По сегодняшним понятием он крошечный, но тогда он казался виллой. Потом, после смерти отца в 63-м году, дом продали Твардовскому.

Строила дом бригада настоящих русских мастеровых. У них у всех были немецкие инструменты фирмы Solingen. Они брились стамесками. Это было классно. Они сами внутри бригады наказывали человека, который плохо что-либо делал.

Мне было шесть лет, и на летние каникулы родители отправили меня к ним жить. Я ел вместе с ними из одного котла. Помню как они любили и уважали отца. Они радовались, когда построили дом, им он очень нравился. Они называли моих родителей на «ты» не потому, что это было амикошонством, а потому что они относились к ним с уважением.

Это была для меня новая жизнь, радостная. Наступил момент, который был самым большим праздником в жизни моих родителей. Они прожили тяжелую, не очень простую жизнь. Наступило время дружбы. Потому что все люди стали приезжать к нам в дом. За обычный стол они не могли обедать сестры — не поместились бы, они садились за теннисный стол. Эти люди были у нас во время завтрака, обеда, ужина. Дружба была понятием круглосуточным.

У меня все это стоит перед глазами, как они хохотали, веселились, разыгрывали друг друга. И это не моя иллюзия, не романтизация того времени, это правда было. Были очень красивые женщины...

Был такой детский писатель Драгунский. «Денискины рассказы» — это рассказы обо мне. Рассказ про «он живой и светится» — про меня. Это я выменял светлячка на танк. Драгунский был единственный взрослый, который тратил на меня время и все время меня слушал. Жалко, что он назвал эти рассказы «Денискиными», его мальчик был тогда трехлетним и вообще ничего рассказать не мог.

Рядом был роскошный дом отдыха строителей. Там был потрясающий кинотеатр с колоннами. Там шли трофейные картины, от которых можно было сойти с ума: про пиратов, про красавиц. Я смотрел фильмы тайно — через окно проникал в зал. Или покупал себе билет. Это была жуткая проблема, пустят меня или нет. Потому что было неизвестно, годилась ли эта картина для меня, маленького. Тогда кино вошло в мою душу полностью.

В поселке не было центрального отопления, и воду возили в бочках на лошади. Водовоз, как всегда, жутко пил. А так как он заметил, что мне, маленькому, очень нравились лошади, то он меня очень быстро научил ей править. И потом он с утра напивался и ложился в сено, а я развозил эту воду. Мне нужно было бочку наполнить (300 литров воды) и закачать в баки. И от этого я совершенно жутко физически развивался, как Шварценеггер. В поселке меня звали Ванька-водовоз и относились ко мне с большой симпатией.